

Тирания и демократия

Иэн Шапиро

Чарльз Тилли. *Демократия*. М.: Институт общественного проектирования, 2007 (Charles Tilly. *Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007)

IAN SHAPIRO. *Tyranny and Democracy: Reflections on Some Recent Literature. Government and Opposition*. 2008. Vol. 43. No. 3. P. 486–497. Сокращенный перевод с английского Николая Эдельмана

Тилли утверждает, что демократичность любой конкретной страны — вопрос степени; не существует абсолютно демократических стран, так же как и абсолютно недемократических. И что бы ни ставилось во главу угла — институциональная структура, сущностные результаты, процедуры или даже процессы, — большинство определений демократии оказываются статичными по существу. Тилли предлагает «сравнить между собой режимы в отношении того, насколько они демократичны» и «проследить развитие того или иного режима, отмечая, когда и как он становился более демократичным или менее демократичным» (с. 25) — это представляется свежим и реалистичным подходом, особенно в свете эрозии гражданских свобод в развитых демократиях, сопровождающей объявленную США «войну с террором».

С точки зрения Тилли, режим может считаться демократическим, «если политические отношения между гражданами и государством выражены широкими, равноправными, защищенными и взаимобязывающими процедурами обсуждения». Ключевое значение при этом, согласно Тилли, приобретают три процесса: «все большая интеграция сетей доверия в публичную политику, все большая изоляция категориального неравенства от публичной политики и уменьшение независимости крупных центров власти от публичной политики» (с. 29, 41).

Может показаться, что Тилли чрезмерно близко подходит к одобрению клиентелистских взглядов на демократию, согласно которым торговля личным расположением и вознаграждение частных интересов вытесняют из политики общественную состязательность. Однако Тилли, ссылаясь на опыт США в XIX в., указывает, что интеграция сетей доверия в публичную политику повышает общий уровень политического участия, а также способствует созданию политических клубов и иных институтов, втягивающих людей в сферу общественной деятельности. Согласно модели Тилли интеграция сетей доверия в публичную политику порождает у людей интерес к успешному функционированию государства. «У них развивается прочный интерес к деятельности правительства. Им не безразлично, какие ставки предлагает правительство. Уплачивая налоги, приобретая государственные бумаги, делясь информацией с должностными лицами, будучи в зависимости от правительства в том, что касается доходов, и отдавая членов сетей на военную службу, — всеми перечисленными путями они все больше укрепляют свой интерес и всту-

...от в переговоры о соблюдении своих интересов» (с. 120).

Рассуждения Тилли о неравенстве напоминают аргументацию Майкла Уолцера в «Сферах справедливости», и в частности утверждение Уолцера о том, что претензии следует предъявлять не к неравенству как таковому, а, скорее, к возможности транслировать неравенство в какой-либо одной сфере социальной жизни в способность проявлять силу и влияние в других сферах¹. Согласно формулировке Тилли, «демократия работает лучше и демократизация более возможна в условиях, когда политические процессы препятствуют переводу обычных категориальных неравенств в публичную политику». Под «категориальным неравенством» Тилли понимает «имеющие организационные формы различия в преимуществах по признаку пола, расы, национальности, этнической принадлежности, религии, принадлежности к какой-нибудь общине и подобные системы классификаций». По мнению Тилли, развитие демократии скорее произойдет там, где все сферы в той или иной мере равноправны, но, что более важно, имеет место «буферизация между публичной политикой и категориальным неравенством» (с. 137, 160).

Третий аспект демократизации и дедемократизации, выделяемый Тилли, связан с иными, помимо государства, центрами силы, которые должны быть приручены или нейтрализованы, для того чтобы демократия могла работать. Задача в том, чтобы упразднить «автономные независимые властные структуры на территории действующего режима, в особенности те структуры, которые имеют собственные, действенные средства насилия и принуждения» (с. 167). Вопреки Дарону Асемоглу и Джеймсу Робинсону² Тилли утверждает, что «согласие элиты не является необходимым условием демократизации». Напротив, демократизация может представлять собой побочный продукт попыток элиты удержать власть. Так, Тилли говорит, что, хотя режим Владимира Путина потратил мно-

го времени на такое усиление государства, которое вредно для текущего состояния демократии, одновременно Путин осуществлял действия, которые «со временем будут способствовать демократизации России». В частности, хотя «на Кавказе он предоставил военным опасно широкую самостоятельность», Путин

Леонид Тышков. День моего ангела. 2008. Холст, акрил

также обуздал капиталистов, после 1991 г. в значительной степени вышедших из-под контроля государства. «Антидемократическая расправа Путина с олигархами с целью вернуть государству контроль над источниками энергии покончила и с конкурентными центрами власти, основанными на принуждении, внутри политического режима России» (с. 169). Эти рассуждения напоминают аргументацию Дэвида

¹ MICHAEL WALZER. *Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality*. New York: Basic Books. 1984.

² DARON ASEMOGLU and JAMES ROBINSON. *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Леонид Тишков. Лежит в яме, 2007. Холст, акрил

Хелда о первой волне демократизации, когда тот утверждает, что демократизация *следует* за сосредоточением власти в руках «веберовского», как мы говорим сегодня, государства, обладающего монополией на легитимное насилие¹. Для того чтобы демократизация состоялась, должны существовать командные высоты, которые следует захватить демократам.

По замыслу Тилли, его книга должна послужить руководством к действию. Если он прав, из его рассуждений следует такой вывод:

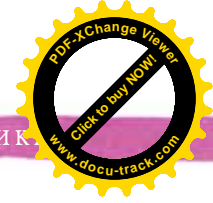
¹ DAVID HELD. *Democracy and the Global Order*. Stanford: Stanford University Press, 1995; DAVID HELD. *The Transformation of Political Community: Rethinking Democracy in the Context of Globalization* // Ian Shapiro and Casiano Hacker-Cordón. *Democracy's Edges*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 84–111.

² Могут сказать, что место коммунизма как основной идеологии, определяющей себя в противостоянии с демократическим капитализмом и в качестве альтернативы ему, занял исламский фундаментализм и что он может привлечь к себе симпатии обездоленных в развитых странах. Доля истины в этом утверждении есть, но исламский фундаментализм отличается от коммунизма отсутствием своей политической экономии, и, следовательно, по своей сути не может стать конкурентом капитализма. Дальнейшее обсуждение этой темы см.: IAN SHAPIRO. *Containment: Rebuilding a Strategy against Global Terror*. Princeton: Princeton University Press, 2007.

Те, кто надеется увидеть распространение демократии в недемократическом мире, не станут тратить много времени, проведя преимуществами демократии, составляя конституции, создавая неправительственные организации или выявляя намеки на сочувствие демократии в недемократических режимах. Мы, напротив, будем прилагать значительные усилия, способствуя интеграции сетей доверия в публичную политику, помогая оградить ее от категориального неравенства и борясь против независимых центров власти (с. 242).

В теории Тилли содержится много правдоподобного и привлекательного, и не в последнюю очередь это относится к его предупреждениям о том, что демократия в некоторых отношениях — вещь хрупкая и может быстро атрофироваться, а то и разрушиться. Тилли указывает, что дедемократизация зачастую идет быстрее демократизации вследствие высокой склонности элит к отступничеству. «Те, кто уже достиг богатства и могущества, с гораздо большей легкостью отказываются от своих сетей доверия, насаждают неравенство и создают независимые центры силы», в то время как демократизация требует «участия большого числа людей» во взаимоотношениях доверия (с. 195). Это отрезвляющее наблюдение, хотя оно в какой-то мере противоречит бо-

лее раннему заявлению Тилли о том, что согласие элиты не является обязательным условием демократизации. В период между Великой депрессией и крушением СССР экономические элиты в капиталистических демократиях имели основания опасаться возможного краха капитализма и соблазна обездоленного населения в их странах социалистическими и капиталистическими идеологиями. Это давало им серьезные причины для заботы о благосостоянии обитателей социального дна. Однако в нашу эпоху, когда идея о возможной гибели капитализма уже не воспринимается экономическими элитами всерьез, и при отсутствии конкурирующей идеологии, которая могла бы привлечь на свою сторону бедных, основания для такого благоразумия неизбежно пропадают. В результате значительно повышается возможность мальтузианского отношения к бедным: основным рецептом становится переселение в пригороды и строительство новых тюрем². Сравнительные рассуждения порождают серьезную озабоченность размыванием гражданских свобод в таких странах, как Великобритания и США, которое является по-

чным продуктом «глобальной войны с террором». Восстановить с трудом завоеванную свободу порой бывает намного сложнее, чем потерять ее.

Можно задаться вопросом, не противоречат ли друг другу различные аспекты аргументации Тилли. Например, интеграция сетей доверия в публичную политику может иметь своим следствием не укрепление демократии, а возможность использования государственной власти для репрессий в рамках гражданских институтов. Сара Сонг предупреждает нас об этой опасности в своем недавнем обсуждении аргументов о политических рисках мультикультурного приспособленчества¹. Когда такие группы, как мормоны или резервация Санта-Клара-Пуэбло, освобождаются от преследования за свои традиционные практики, которые в принципе нарушают закон, и когда обвиняемые в правонарушениях добиваются оправдания в суде, объявляя свои проступки «защитой культурных ценностей» своих меньшинств, они встраивают свои сети доверия в публичную политику в том смысле, о котором говорит Тилли.

Другая проблема, связанная с аргументацией Тилли, состоит в том, что интеграция сетей доверия в публичную политику может привести к нежелательному ослаблению государственной машины. Можно вспомнить об «инициативе веры», выдвинутой президентом Дж. Бушем в 2001 г., согласно которой религиозные и другие благотворительные группы получили 8 млрд долларов в виде кредитов на оказание услуг социального вспомоществования. С первого взгляда эта инициатива полностью соответствует первому критерию Тилли, так как она создает у благотворительных групп прямую заинтересованность в работе правительства и зависимость от него. Однако критики вполне обоснованно задаются вопросом, не являлось ли истинной целью «инициативы веры» фактическое уничтожение возможностей государства по оказанию данных услуг. Возможно, что президент Буш не очень лицемерил, когда утверждал в свою защиту, что «правительство не заменить благотворительными обществами», но что «оно должно приветствовать их как партнеров, а не отталкивать их как соперников»². Но проблема в том, что результатом может стать полное или частичное устранение правительства из этой сферы. Если оказание бедным вспомоществования и прочих социальных услуг перейдет в руки благотворительных организаций, кто будет отслеживать их деятельность и перехватит у них эстафету, если они не справятся со своей ролью? И вообще, узнает ли кто-нибудь о том, что они не справляются?

Тилли справедливо подчеркивает, что демократическая подотчетность включает «взаимообязывающие процедуры обсуждения» между государством и гражданами. Для того чтобы

демократия работала, те, на ком скажутся коллективные решения, должны иметь голос при их принятии, а кроме того, должны считать итоги коллективных решений обязательными для себя. Также прав Тилли в том, что это обычно подразумевает снижение автономности центров силы, которые существуют вне государства и могут угрожать его власти. Порой, но не всегда, такое положение можно исправить путем интеграции сетей доверия в политику и ограждения правительства от социального и экономического неравенства. Для нас сейчас должно быть ясно, что фундаментом демократической подотчетности остается демократическая состоятельность в условиях правления большинства. Ее мнимые патологии зачастую преувеличиваются, а возможные альтернативы рекламируются с чрезмерной навязчивостью. Собственно говоря, речь идет о минимальном требовании, необходимом для существования демократии. Но минимальное — не значит пренебрежимо малое, как прекрасно известно миллиардам людей, вынужденным терпеть власть, которая это требование не соблюдает. ■

¹ SARAH SONG. *Justice, Gender, and the Politics of Multiculturalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

² DAVID KUO and JOHN DI IULIO. The Faith to Outlast Politics» *New York Times*, 29 January 2008. P. A25.

ЧАРЛЬЗ ТИЛЛИ (1929 – 2008) — ПРОФЕССОР СОЦИАЛЬНЫХ НАУК КОЛУМБИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (США), ВЫДАЮЩИЙСЯ ИСТОРИЧЕСКИЙ СОЦИОЛОГ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ УЧЕНЫЙ, АВТОР МНОГОЧИСЛЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ ПРОЦЕССАМ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВ И НАЦИЙ, РЕВОЛЮЦИЯМ, ДЕМОКРАТИЗАЦИИ И НЕРАВЕНСТВУ

БИБЛИОГРАФИЯ

Создание России. *Прогнозис*. № 3 (7). 2006.

Принуждение, капитал и европейские государства, 990–1990 гг. М.: Территория будущего, 2008.

Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons. New York: Russell Sage Foundation, 1984 (Большие структуры, крупные процессы, масштабные сравнения).

Durable Inequality. Berkeley, CA: University of California Press, 1998 (Прочное неравенство).

Credit and Blame. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008 (Одобрение и неодобрение).